
pocket**book**

rocket**book**

Жоржи Амаду

Лавка чудес

Москва
2019

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44
А61

Jorge Amado
TENDA DOS MILAGRES

Copyright © 2008 by Grapiúna — Grapiúna Produções Artísticas Ltda.
1a edição, Livraria Martins Editora, São Paulo, 1969.
Published in Brazil in 2008 by Editora Companhia das Letras, São Paulo.
All rights reserved

Перевод с португальского
Оформление серии *Андрея Саукова*

А61 **Амаду, Жоржи.**
Лавка чудес / Жоржи Амаду ; [пер. с порт.
А. Богдановского]. — Москва : Эксмо, 2019. —
448 с.

«Когда все дружным хором говорят «да», я говорю — «нет». Таким уж уродился», — писал о себе Жоржи Амаду и вряд ли кривил душой. Кто лжет, тот не может быть свободным, а именно этим качеством — собственной свободой — бразильский эпикуреец дорожил больше всего. У него было множество титулов и званий, но самое главное звучало так: «литературный Пеле». И это в Бразилии высшая награда.

Жоржи Амаду написал около 30 романов, которые были переведены на 50 языков. По его книгам поставлено более 30 фильмов, и даже популярные во всем мире бразильские сериалы начинались тоже с его героев.

«Лавкой чудес» назвал Амаду один из самых значительных своих романов, «лавкой чудес» была и вся его жизнь. Роман написан в жанре магического реализма, и появился он раньше самого известного произведения в этом жанре — «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса.

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44

ISBN 978-5-04-099916-3

© А. Богдановский, В. Федоров, перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Бразилец, баиянец, бедняк.
Известен самомнением и дерзостью.

*(Из полицейского донесения
о Педро Аршанжо. 1926 год)*

Иаба — это дьяволица без хвоста.

*Карибе (Сценарий кинофильма
«Иаба»)*

На широком просторе Пелоуриньо мужчины и женщины учатся сами, учат других. Обширен этот университет: раскинулся, расползся он по Табуану, Портас-де-Кармо, Санто-Антонио-Ален-до-Кармо, по Байша-дос-Сапатејрос, по рынкам, по Масиелу и Лапинье, по Ларго-да-Се, Тороро, Баррокинье, Сете-Портас и Рио-Вермиельо — повсюду, где мужчины и женщины обрабатывают металл и дерево, варят травы и корни, смешивают свои шаги, ритмы своих песен, свою кровь. А из смешения этого возникают новый цвет и новый звук, рождается новая, прежде невиданная, ни на что не похожая пластика.

Там гудят барабаны атабаке и агого, там гремят бубны, погремушки и пустотелые выдолбленные тыквы-кабасы, там эти убогие инструменты исторгают прихотливые ритмы, щедрые мелодии. Там живет народ Баши, там рождается музыка, там начинается танец.

*Друг, дружочек, друг, дружочек,
Друг, дружочек дорогой.*

Там, рядом с церковью Розарио-дос-Претос, основал когда-то Будиан свою школу ангольской капоэйры. Сюда, в этот дом, пять окон которого всегда распахнуты на Ларго-да-Се, приходят под вечер, по-

сле работы, его ученики: они устали после трудового дня, но шутят и пересмеиваются. Под гул беримбау наносятся и отбиваются удары, проводятся приемы, их не счесть, и каждый — ужасен, каждый — неотразим: вот «мельница», вот подножка, вот подсечка, вот захват, вот зацеп, вот удар головой... Юноши ведут игру. Откуда только не вывезены эти удары, приемы и броски — голова пойдет кругом: из Сан-Бенто Большого и Сан-Бенто Малого, из Санта-Марии и Каваларии, с Амазонки, из Анголы, а сколько еще из других мест, боже ты мой! Здесь, в Баие, искусство ангольской капоэйры обогатилось и преобразилось: капоэйра — все еще борьба, но уже и танец.

А местре¹ Будиан легок, проворен и быстр, как дикая кошка, нет ему равных в силе и ловкости, никто не устоит против него, ничей удар его не достигнет — так стремителен он и прыгуч. В зале показывают свое искусство и доказывают свой талант большие мастера: Боголюб, Лодочник, Шико Лом и Антонио Везунчик, Большой Захария, Пейшото Плешь, Семь Смертей, Шелкоус и Кудряш, Висенте Привереда, Дюжина, Тибурсиньо, Шико Отдай, Заводила и Баррокинья, тот самый, о ком поют:

Мальчик, кто тебя учил?
 Догадайтесь сами:
 Тот, кто бороды не брил,
 Полицейских всюду был
 И дружил с друзьями...

А однажды явились хореографы и обнаружили в капоэйре балетные па. За ними пришли самые разные композиторы — и хорошие люди, и подлецы, —

¹ Местре — принятое в народе уважительное обращение к старшему и мастеру своего дела.

на всех хватило нашей забавы, хватило да еще и осталось, вот оно как. Здесь, на Пелоуриньо, в этом вольном университете творит народ свое искусство. Здесь его колыбель. Здесь всю ночь напролет распевают песни...

Ай, ай, Айде,
 Научи меня игре,
 Ай, ай, Айде!

А профессора и преподаватели — в каждом доме, в каждой лавке, в каждой мастерской. В той же самой школе местре Будиана — только во внутреннем дворике — собираются и репетируют участники афоше¹ «Дети Баши» и других карнавальных групп, — там царство молодого Валделойра, того самого, кто не знает себе равных в устройстве карнавалов и пасторилов². Досконально известно ему и искусство капоэйры: когда открыл он в Тороро собственную школу, то показал придуманные им самим приемы и броски. А в большом патио по субботам и воскресеньям — круговая самба: тут уж на первом месте негр Ажайи. Должность посла в афоше еще мог бы у него оспаривать Лидио Корро, но по части самбы он единственный и неоспоримый знаток. Знаток, законодатель ее ритмов, ее главный балетмейстер.

Тут же рядом пишут маслом и акварелью, рисуют цветными карандашами «чудеса». Тот, кто дал обет Господу нашему, спасителю Бонфинскому, или пресвятой деве Кандейанской, или другому какому чудотворцу и получил, чего желал, — тот приходит к художнику, заказывает картину и вешает ее в церкви

¹ Афоше — карнавальная группа.

² Пасторил — народное представление.

как безвозмездный дар. Этих художников-самоучек зовут Жоан Дуарте, местре Лидио Лопес, местре Кейроз, Агрипиниано Баррос, Раймундо Фрага. Местре Лисидио режет по дереву гравюры, рисует картинки к разным книжечкам-брошюркам.

Здесь толкуются певцы-трубадуры, бродячие поэты, гитаристы-импровизаторы, сочинители книжонок, что набраны, сверстаны и отпечатаны в типографии Лидио Корро или в другой какой-нибудь, не менее убогой, — книжки эти идут по пятьдесят рейсов — за бесценок, и расходуется поэзия и проза по вольной земле Пелоуриньо.

Вот они — поэты, памфлетисты, летописцы, моралисты. Они описывают в подробностях жизнь Баии, они перелагают в звучные вирши истории действительные и выдуманые, но и от тех, и от других у вас глаза на лоб полезут. Вот, например, «Девственница из Барбальо» или, скажем, «История принцессы Марикруз и воздушного рыцаря». Они возмущаются, они издеваются, они учат и забавляют, и удивительные порою выходят у них стихи.

А в лавке Агналдо драгоценное дерево — черное дерево, красный сандал, пероба, массарандуба, палисандр — становятся фигурами Шанго, Иеманжи, Огуна, изображениями сказочных витязей, и в могучих руках их зажаты сверкающие мечи. Могучи руки и самого местре Агналдо: когда уже устало его сердце, измученное болезнью (в те времена у рокового недуга еще не было названия, но обещал он, как и теперь, верную и мучительную смерть), руки мастера, неутомимые его руки продолжали делать богов-ориша. Эти фигуры были исполнены тайны, и казалось, что еле живой Агналдо вдохнул в них вечную жизнь. Его творения тревожат, волнуют, потому что похожи они ра-

зом и на легендарные существа, и на всем известных людей. По какому-то случаю «отец святого», жрец из Марагожипе, заказал ему огромную фигуру Ошосси и прислал для этого ствол жакейры — шесть человек понадобилось, чтобы ствол этот поднять. Истомленный недугом, задыхающийся Агналдо улыбнулся, когда увидел его. Ему отрадно было трудиться над такой машиной, и он вдохновенно вырезал из дерева огромного Ошосси, великого охотника, только в руки ему вложил не лук со стрелами, а ружье. Необычный получился у него Ошосси: все, конечно, признали в нем лесного царя, повелителя Кету, но в то же время он был похож и на Лукаса де Фейру, на разбойника-кангасейро, на бандита из сертана, на Безойро — Золотую Струну:

Сыну завещал Безойро
за мгновенье до конца:
«Не давай себя в обиду
и бери пример с отца».

Таким местре Агналдо увидел Ошосси, таким он его и сотворил — в кожаной шапке со звездой, в руках — ружье, за поясом — нож. Жрец отверг статую оскверненного, на себя не похожего бога, и много месяцев простояла она в мастерской, словно на страже, пока наконец один заезжий француз не увидел ее и не купил за хорошие деньги. Теперь, говорят, стоит Ошосси в музее, в Париже... Впрочем, мало ли что говорят на вольной земле Пелоуриньо...

А в тонких и слабых руках светлокожего мулата Марио Проэнсы жезть, цинк, медь становятся мечами Огуна, веером Иеманжи, посохом Ошала. Огромная медная Иеманжа каждому укажет мастерскую Проэнсы — «Лавку Матери Вод».

Местре Ману, угрюмый и чумазый силач, человек немногословный и суровый, ворочает в горне трезубец Эшу, оружие Огуна, тугой лук Ошосси, змею Ошумар. В пламени горна, в яростных руках кузнеца рождаются боги-ориша со всеми своими атрибутами. Руки неграмотных творцов создают искусство.

Пристроившись неподалеку от Портас-до-Кармо, местре Диди возится с бисером и соломинками, с кожей и конским волосом, мастерит фетиши и амулеты. А сосед его, Деодоро — тот, что так раскатисто хохочет, — специалист по барабанам всевозможных видов, разных народностей и племен: наго и жеже, ангола и конго, илус, любимый племенем ижеша.

А на улице Лисеу сидит словоохотливый и веселый сантейро Мигел — он лепит из глины и раскрашивает фигурки ангелов, архангелов, святых. Святые-то католические, почитаемые римской апостольской церковью — Пресвятая Дева непорочно зачатия, святой Антоний, покровитель Лиссабона, архангел Гавриил, младенец Иисус, — что же связывает их с африканскими богами-ориша местре Агналдо? Что между ними общего? А общее между ними — смешанная их кровь. Вот Ошосси, вырезанный Агналдо, — вылитый наемник из сертана. А святой Георгий, сделанный Мигелом, разве не такой же кангасейро? Его шлем больше похож на кожаную шапку, а дракон напоминает не то крокодила, не то кайпору, каким показывают его на празднике богоявления.

Иногда на досуге, когда кровь играет, сантейро Мигел для собственного удовольствия вырезает фигурку нагой негритянки во всей ее непобедимой прелести и дарит друзьям. Одна такая статуэтка — ни дать ни взять Доротея: те же высокие груди, тот же гор-

до отставленный крутой зад, те же стройные ноги и живот словно распутившийся цветок. Только Педро Аршанжо был бы под пару этой красавице. А вот Роза де Ошала у мастера не получилась, не удалась: «не сумел я разгадать ее тайну», как он сам говорил.

Ювелиры колдуют над благородными металлами: серебро и медь обретают надменную красоту в образе плодов, рыб, талисманов, украшений, что носят в Баие по праздникам. На Ларго-да-Се, на Байша-дос-Сапатейрос звенит золото — скоро, скоро станет оно браслетами и ожерельями. Самый славный из ювелиров — местре Луисо Рейс: отец-португалец передал ему свое искусство, но филигранным узорам он предпочел жазу, абакаши, питанги¹, шишки и фиги — амулеты всех размеров, всех видов. От матери своей, негрityянки Предилеты, унаследовал он дар воображения и без усталости мастерит броши, кольца, безделушки — больших денег стоят они теперь у антикваров.

А рядом — палатки, в которых продают волшебные травы, лечат целебными настоями. Дона Аделаида Тостес, материшница и пьяница, знает каждую травку, каждый листик, знает, пользу они принесут или вред. Ей ведомы целебные свойства корней, коры, кожуры: вот алума — для печени; вот лимонная мята — чтоб унять тревогу; вот жеваная тиририка — если мучает похмелье; вот золототысячник — если почки больные; вот святая трава — от живота; вот «козлиная борода» — для того, чтобы поднялось настроение и еще кое-что. Неподалеку торгует другая «знаменитость», дона Филомена: попросите, заплатите — и она заговорит вас от сглазу, вылечит

¹ Жазу — плод бразильского дерева с тем же названием; абакаши — разновидность ананаса; питанга — плод дерева питангейра.

от хронического катара, а если у пациента слабая грудь, она приготовит настой из кресса, меда, молока, лимона и бог знает каких еще снадобий — самый страшный кашель как рукой снимет! Один врач выучился у нее кровь очищать, а потом уехал в Сан-Пауло, стал там лечить сифилис и быстро разбогател.

Ректорат этого народного университета находится в «Лавке чудес», в доме № 60 по Ладейра-до-Табуан. Там сидит местре Лидио Корро, пишет «чудеса» по заказу, показывает тени волшебным фонарем, режет по дереву грубые гравюры. Может быть, там встретите вы и самого ректора, местре Педро Аршанжо? Очень может быть, что вместе с другом он склонился над старыми литерами, над капризным типографским станком. Может быть, в убогой и ветхой мастерской печатают сейчас книгу о том, как живут люди в Баие.

Совсем рядом, на Террейро Иисуса, возвышается медицинский факультет: там тоже учат лечить болезни и ухаживать за больными. И многим другим премудростям: от риторики до стихосложения. Там же выдвигаются весьма рискованные теории.

О ТОМ, КАК ПОЭТ И БАКАЛАВР-СОЦИОЛОГ ФАУСТО ПЕНА ПОЛУЧИЛ ОДНО ПОРУЧЕНИЕ, И О ТОМ, КАК ОН С НИМ СПРАВИЛСЯ

На нижеследующих страницах читатель найдет мои исследования, касающиеся жизни и творчества Педро Аршанжо. Работа эта была мне заказана великим Джеймсом Д. Левенсоном и оплачена долларами.

Необходимо сделать несколько предварительных замечаний, потому что жизнь Педро Аршанжо от самого ее начала до конца породила огромное количе-

ство вздорных и нелепых вымыслов. Просматривая сделанные записи, я убедился, что, несмотря на все мои искренние и огромные старания — прошу читателя поверить мне! — некоторые периоды его биографии изложены противоречиво и неправдоподобно, а потому работа производит не совсем верное впечатление.

Говоря о неточностях и неопределенности, о сомнительных фактах и заведомой лжи, я имею в виду не только биографию баиянского местре, но и всю совокупность данных о нем: от событий далекого прошлого до сегодняшних, из которых главное — сенсационная пресс-конференция Джеймса Д. Левенсона; от неслыханных кутежей по случаю пятидесятилетия Аршанжо до торжественного вечера, посвященного столетней годовщине со дня его рождения. А восстановление во всех деталях его биографии не входило в мои намерения, да этого и не требовал от меня ученый из Колумбийского университета: его интересовали только методы работы, позволившие Аршанжо создать такие живые и своеобразные произведения. Он требовал от меня лишь перечня фактов, благодаря которым смог бы лучше представить себе личность Аршанжо, написать нечто вроде предисловия к американскому изданию его трудов.

Однако не только мелкие подробности, но подчас и очень важные, необходимые для исследователя факты биографии Педро Аршанжо восстановить мне не удалось, я часто оказывался перед пустотой, разрывами во времени и пространстве или обнаруживал необъяснимые события, разнообразные версии, нелепые интерпретации, противоречивые свидетельства противоречивших друг другу свидетелей. Собранный материал находился в полнейшем беспорядке. Так, на-

пример, я не выяснил, является ли негритянка Роза де Ошала мулаткой Ризолетой, происходящей от ведьмы, или Доротеей, заключившей сделку с дьяволом. Некоторые отождествляют ее с Розендой Батиста дос Рейс, уроженкой Муритибы; иные — с прекрасной Сабинной дос Анжос, «самой красивой из всех ангелов»¹, как галантно говорил о ней Педро Аршанжо. И все же: об одной и той же баиянке идет речь или о разных? Мне это определить не удалось, и, я боюсь, не удастся никому.

Должен признаться, что в сообщениях очевидцев царит такая путаница, такая неразбериха, что у меня часто не хватало сил и терпения проверить ту или иную гипотезу, выяснить подробности, которые могли бы пролить свет на это загадочное дело. Я постоянно сталкивался с полным отсутствием достоверности и надежности, я все время натыкался на «вероятно», «возможно», «скорей всего», словно эти люди видели в покойном Педро Аршанжо не человека из плоти и крови, а — судя по тому количеству подвигов, которые ему приписываются, — целую когорту героев и кудесников. Провести грань между правдой и вымыслом, между действительностью и фантазией я не смог.

Разумеется, я прочел все книги Педро Аршанжо от корки до корки; это было нетрудно: их всего-то четыре, а в самой толстой не будет и двухсот страниц (один книготорговец из Сан-Пауло собирается издать том сочинений Аршанжо, его кулинарная книга туда не войдет, потому что, в силу своей специфики, она и так будет пользоваться большим спросом). Я не стану высказывать своего мнения о творчестве Аршанжо: сегодня ему не страшна никакая критика, и никто не

¹ Здесь игра слов: а н ж о с (a n j o s) — ангелы (*португ.*).

возьмет на себя смелость отрицать поистине всемирный успех его книг, особенно теперь, после того, как они переведены на многие языки, а Левенсон так однозначно и решительно их одобрил. Не далее как вчера я сам прочел в газете: «Аршанжо издан в Москве. «Правда» перевозит его».

Я только могу присоединить свой голос к этому восторженному хору. Я бы сказал, что наслаждался этим чтением: многое из того, о чем писал Аршанжо, и поныне составляет часть нашей жизни, часть ежедневного быта нашего города. Меня очень порадовала предпоследняя из его четырех книг (говорят, что перед смертью он подготовил к печати еще одну), та самая, что принесла своему автору столько огорчений и бед, и когда я встречаю людей, кичащихся своей голубой кровью, генеалогическим деревом, гербами, знатными предками, и узнаю, как их зовут, то при желании всегда нахожу их имена в списке, тщательно и дотошно составленном Аршанжо, который так страстно стремился в своем творчестве к истине.

Теперь мне остается лишь объяснить, при каких обстоятельствах познакомился я с Левенсоном и почему именно на меня пал его выбор. Имя американского ученого не нуждается ни в каких комментариях, оно известно решительно всем, и то, что именно на меня возложил он столь трудную миссию, наполняет мою душу благодарной гордостью. Хотя наше сотрудничество было непродолжительным и омрачилось некоторыми событиями, я всегда буду хранить приятные воспоминания об этом простом, веселом, сердечном и элегантном человеке, который всем своим видом опровергал затрепанный карикатуристами образ замшелого и занудливого ученого-педанта.